

— Но даже если он на тысячу осеней и десять тысяч эпох объединит Поднебесную... — медленно, чрезвычайно низким голосом произнёс Дань Чао. — Даже если его власть достигнет небес, какое это имеет отношение к нам с тобой?

— Если мы уйдём на край света, чтобы жить своей жизнью, то, что бы ни происходило снаружи, даже если он убьёт государя и взойдёт на престол, провозгласив себя императором, какое это будет иметь отношение к нам с тобой?

Се Юнь не стал ему противоречить, даже не показал своего обычного насмешливого и язвительного выражения.

Прошло очень, очень много времени, прежде чем мышцы его тела слегка расслабились, и он сделал едва уловимый, но очень глубокий вздох.

— Тебе, наверное, никогда в жизни не попасться на удочку Зеркального цветка, лунной воды.
— Он усмехнулся над собой. — Мой взгляд на людей иногда оказывается совершенно ошибочным.

— ... Безрассудственное развязывание войны крайне неразумно! Это не только повлияет на посмертную славу мудрого правителя, но и напрямую угрожает безопасности императорского экипажа на горе Тайшань! Простите, но я никак не могу согласиться с предложением мастера Иня. Умоляю Ваше Величество разобраться ясно!

Юйчи Юаньюй откинул полы халата и опустился на колени. За ним, в крайнем волнении, последовали примеру все остальные генералы, и мгновенно с шумом опустились на колени все, чёрной сплошной массой фиолетовых мундиров с золотыми поясами.

Император наконец замолчал, поднял голову и окинул взглядом эту чёрную массу фиолетовых спин с золотыми поясами у своих ног, прежде чем скупно произнёс несколько слов:

— В таком случае... я тоже могу отступить на шаг...

Все обрадовались, но тут же услышали, как император спросил:

— Любимый советник Инь, есть ли у тебя ещё какие-то идеи?

Инь Кайян, совершенно не смутившись, явно был заранее готов:

— Докладываю Вашему Величеству, есть.

— О? Говори, слушаем.

Се Юнь холодно наблюдал за их дуэтом, и, как он и ожидал, услышал, как Инь Кайян невозмутимо произнёс:

— Можно и не устраивать массовой резни. Есть ещё один способ легко обуздать этих незаконных рыцарей рек и озёр — использовать их же методы против них самих.

Остальные ещё не успели понять, но Юйвэнь Ху, выросший в знатном аристократическом роде и повидавший множество уловок, почувствовал удар в сердце и поднял голову.

— Если пост Главы союза боевых искусств настолько важен, нельзя позволить ему оставаться в народе, попасть в руки людей с коварными намерениями и тем самым создать угрозу двору и стране. — Если мои Скрытые Врата под видом представителей мира боевых искусств примут

участие в этом Турнире и завоюют власть Главы союза, то с этого момента все знаменитые праведные школы мира рек и озёр смогут подчиниться двору, а одинокие храбрецы и задиры тоже смогут быть использованы Вашим Величеством.

— Конечно, нереалистично ожидать, что Скрытые Врата в одиночку одолеют объединённые силы таких известных школ боевых искусств, как Удан, Шаолинь, Кунтун, Хуашань. Поэтому потребуется помощь армии со стороны двора.

Инь Кайян сделал паузу посреди поднявшегося вокруг шума и с интересом спросил:

— Как вы, достопочтенные сановники, думаете, по сравнению с предыдущим вариантом — арестовать и казнить всех — этот способ лучше?

— Его Величество согласился, — в Чертоге Прохлады, усевшись за стол, в развевающихся складках парадного наряда, расшитого золотыми фениксами и пионами, твёрдым голосом произнесла императрица У.

К этому моменту решение со стороны императора уже было принято. В просторном зале Чертога Прохлады императрица У отослала всех, кроме Се Юня. Лишь Дань Чао, пришедший вместе с Се Юнем, остался стоять на страже вдалеке за красными дверными створками, его стройный силуэт виднелся в светотени.

Се Юнь наконец задал давно мучивший его вопрос:

— В своё время Инь Кайян самовольно покинул столицу во главе Скрытых Врат, и Его Величество пришёл в ярость, обвинив Скрытые Врата в волчьих амбициях и неблагодарности за императорскую милость. Почему же на этот раз он так твёрдо встал на сторону Инь Каяня?

Император всегда был подозрительным, но сегодняшнее его поведение можно было назвать совершенно нетипичным. Это было ясно видно любому, у кого есть глаза.

— Я и сама не могу понять... — императрица У глубоко вздохнула. — Три дня назад ночью государь внезапно проснулся от кошмара, и в этот момент Инь Кайян, исчезнувший несколько лет назад, неожиданно явился на аудиенцию. Император сначала был крайне раздражён, но, увидев Инь Каяня, вдруг стал очень сговорчивым и спокойным, даже три дня совещался с ним за закрытыми дверями по государственным делам...

— Вы, Ваше Высочество, не присутствовали при беседах?

— Нет. — Сквозь зубы произнесла императрица У. — Когда государь вышел, он стал во всём слушаться Инь Каяня. Он не только не стал вменять ему в вину старую историю с уходом Скрытых Врат несколько лет назад, но и всем сердцем вознамерился помочь ему захватить какой-то пост Главы союза, говоря, что это лучшая возможность управлять народными силами боевых искусств. Его речь и поведение словно изменились, будто он стал другим человеком...

Выражение лица Се Юня слегка изменилось.

Императрица У всё это время внимательно наблюдала за его выражением и тут же чутко спросила:

— Что такое?

Но Се Юнь помолчал некоторое время, затем снова сказал:

— Ничего.

Не дав императрице У продолжить расспросы, он резко сменил тему:

— Выдвигал ли Инь Кайян, помимо изъятия всего оружия в Поднебесной, ещё какие-либо предложения?

— Пока что нет. Он всё время говорит только о Турнире боевых искусств, ни словом не затрагивает дела внутренних покоев, наследного принца или государственную политику, и его отношение ко мне пока остаётся почтительным. — Императрица У сжала пальцы, державшие чашку чая, и сурово произнесла:

— Но именно поэтому его коварный замысел ещё более очевиден! Сейчас при дворе полно знатных аристократических родов, Скрытые Врата не могут открыто урвать свою долю, вот и придумали такой способ. Первый шаг — использовать доверие государя, чтобы завоевать народную поддержку. Второй шаг — используя народную поддержку, захватить... Что именно, думаю, не нужно и говорить?!

Императрица У, не зря, оказалась ключевой фигурой, которая одолела императрицу Ван, наложницу Сяо, погубила Чжансунь Уцзи и Чу Суйяна и полностью перевернула старые кланы Гуаньлун. Её чрезвычайно острое политическое чутьё нельзя было не назвать изощрённым.

— Нельзя позволить ему добиться своего, — императрица У холодно произнесла слово за словом. — Решение императора разгромить мир боевых искусств уже принято. Но если уж непременно должен быть человек, который станет Главой союза, то этим человеком ни в коем случае не должен быть Инь Кайян!

Однако Се Юнь, сидевший за столом, покачал головой.

Императрица У спросила:

— Что такое?

— Боевое искусство Инь Каяня и вправду первое в Поднебесной. — Тихо произнёс Се Юнь. — Если говорить только о поединках, ему нет равных.

Тем, кто не входит в круг мастеров боевых искусств, вероятно, трудно понять абсолютную истинность, стоящую за этими словами. Императрица У инстинктивно нахмурила свои изящно подведённые брови:

— Неужели во всей Поднебесной нет никого, кто мог бы его одолеть?

Се Юнь промолчал.

— Если бы императорская гвардия сначала истощила его силы поочерёдными атаками, а затем...

— Самоубийство.

Императрица У была ошеломлена этими двумя чёткими словами и неуверенно спросила:

— Даже ты... даже ты не смог бы оказать сопротивления?

На этот раз Се Юнь молчал очень долго.

С точки зрения императрицы У, казалось, он в уме снова и снова взвешивал и сравнивал силы обеих сторон. Но если присмотреться внимательнее, можно было заметить, что он просто спокойно смотрел на какую-то парящую в воздухе пылинку.

Пока императрица У не начала сомневаться, не забыл ли он её вопрос, и уже собиралась повторить его, она наконец услышала, как Се Юнь медленно, низким голосом произнёс:

— ... Есть.

— Если речь идёт только о том, чтобы сразиться.

Воздух внезапно застыл, словно холодная, тяжёлая жидкость, медленно текущая в пустоте тихого чертога.

Императрица У долго колебалась, прежде чем наконец спросить:

— ... Так ты сможешь победить его и завоевать пост Главы союза?

Лунной ночью, во внутреннем дворе.

Вдали дворцовые фонари постепенно гаснули, последние голоса смолкли в холодном ветру. Вода в начале глубокой осени казалась покрытой инеем.

Се Юнь сидел на нефритовой ограде у пруда, на плечи была накинута меховая накидка. Он лениво поднял винный кувшин.

Он никогда не следовал моде современных мужчин на высокие шапки и пучки волос, чаще всего просто связывал волосы красной шёлковой лентой. Волосы, спадавшие с боковой части шеи, в ночи имели мягкую, прохладную, словно вода, текстуру. Сейчас он, кажется, и вправду был немного пьян, даже не поправил волосы за ухо, просто слегка опустил плечи и ленивым, рассеянным взглядом смотрел на водную гладь.

Лёгкие шаги раздались сзади, приближаясь. Се Юнь даже не повернул головы, но вдруг произнёс:

— Стой.

Шаги немедленно замерли.

Оба молчали. Лишь спустя долгое время Дань Чао спокойно произнёс:

— Не пей больше, тело не выдержит.

Се Юнь фыркнул, запрокинул голову и сделал ещё большой глоток из кувшина. Однако в этот момент Дань Чао внезапно протянул руку, обнял его, мягко, но неумолимо отнял винный кувшин и со звоном бросил его на землю. Разлившееся остаточное вино немедленно распространило густой аромат.

— Ханьтинчун... — протянул Се Юнь, насмехаясь. — Какая щедрость! Прекрасное вино, каждая капля которого стоит целое состояние, просто так вылили. Разве ты видел в жизни столько денег?

Его голос из-за помутнённого сознания звучал слегка хрипло, и даже насмешка казалась какой-то необъяснимой.

— Твоя жизнь дороже его, — ответил Дань Чао.

Дань Чао поправил накидку на плече Се Юня, которая вот-вот должна была соскользнуть, закутал его стройное, подтянутое тело, затем тщательно подоткнул мягкий густой мех вокруг его шеи. Делая это, его пальцы скользнули по длинной боковой части шеи Се Юня, и он почувствовал слабый, прерывистый пульс, почти не ощущавшийся как ровное биение. В бледном лунном свете сосуды отливали лёгким голубоватым свечением.

<http://bllate.org/book/15578/1387336>